

К 150-летию со дня рождения

ЮБИЛЕЙНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
АКАДЕМИКА Е. В. ТАРЛЕ

Высадка Колумба в Америке
Художник Дж. Вандерлин. 1847 г. Фрагмент

ТАРЛЕ
ЕВГЕНИЙ ВИКТОРОВИЧ

КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

ПАДЕНИЕ АБСОЛЮТИЗМА

МОСКВА

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)5
Т20

150-летию со дня рождения академика Е. В. Тарле

Тарле, Евгений Викторович.
Т20 Колониальная политика ; Падение абсолютизма / Евгений Викторович Тарле. — Москва : Эксмо, 2026. — 800 с. : ил. — (Юбилейное собрание сочинений академика Е. В. Тарле).

ISBN 978-5-04-213779-2

Каждое из произведений, составивших этот том юбилейного собрания сочинений академика Е. В. Тарле, прошло свой тернистый путь к отечественному читателю. Трудно представить, что «Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств» — увлекательное повествование о необыкновенных историях открытий, обманов, приобретений, потерь, захватов, продаж чужих территорий и прочих ярких проявлениях героизма и алчности представителей главных европейских государств на протяжении пяти веков истории — этот труд был утерян ученым и практически случайно обнаружен в его архиве. И это — великое счастье для ценителей наследия Е. В. Тарле! Ведь здесь ученый в который раз во всем блеске своего мастерства раскрывает талант замечательного и при этом научно ответственного рассказчика.

Судьба второй книги, вошедшей в данный том, — «Падение абсолютизма в Западной Европе и России» — еще более драматична: в полном виде это произведение осталось неизвестным широкой публике. Это глубокая и обобщающая работа: здесь академик Е. В. Тарле выступает в редкой для него роли — не как историк-повествователь, а как историк-теоретик.

Прекрасное и столь необходимое дополнение издания — обширный, тщательно подобранный и точно размещенный по ходу повествования документальный иллюстративный материал, дающий возможность зримо представить события, участников, обстоятельства и ситуации повествования.

**УДК 94(4)
ББК 63.3(4)5**

© Иллюстрации, макет, оформление.
Fortune Triumph Ltd., 2022

© Текст. Наследник, 2021

© Оформление. «ООО Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-213779-2

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Книга «Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств», которая открывает этот том Юбилейного собрания сочинений академика Евгения Викторовича Тарле, стала невольным следствием драматической ситуации в жизни ученого. В 1930 г. Тарле был арестован по так называемому «академическому делу»; следом была ссылка в Алма-Ату, лишение наград и званий.

Приведем строки из воспоминаний ближайшего родственника Е. В. Тарле, его внучатого племянника Якова Львовича Кранцфельда.

«Тарле был возвращен из ссылки досрочно. Никто, в том числе и он сам, тогда не знал, что решение о его освобождении было принято Сталиным, и поэтому тем, к кому он в Ленинграде и Москве обращался по поводу своего трудоустройства, не был известен его статус. Зато они знали, что Тарле не реабилитирован и не восстановлен в звании действительного члена Академии Наук. В этих условиях ученый был готов брать за любую работу, и, когда ему в одном из институтов предложили прочитать курс истории колониальной политики, он согласился. А так как эта тема была для него новой, Тарле не без увлечения предварительно написал тексты лекций. Курс понравился слушателям, и у Тарле, тогда сильно нуждавшегося в деньгах, возникла мысль об издании его в виде книги. Но тут опять-таки помешал неопределенный статус “бывшего академика”, и книга навсегда застряла в издательстве...

Существует легенда, что отвергнутую издательством рукопись этой книги тридцать лет хранила у себя Маргарита Константиновна Гринвальд, хорошая знакомая Тарле, считавшая себя его ученицей. Это не совсем так, а вернее — совсем не так.

Летом 1950 года я гостил у Тарле в Ленинграде.

В Питере Тарле занимал часть разделенной в процессе “уплотнения” квартиры графа С. Ю. Витте на Дворцовой набережной. К этой квартире, находившейся на втором этаже, относилась также комната на первом этаже в одно окно на Неву и Петропавловскую крепость и с отдельным входом. Получив ключ и с удовольствием в ней расположившись, я обнаружил там стенной шкаф, забитый бумагами и старыми журналами. Тарле разрешил мне порыться в нем и забрать себе все, что мне понравится. Там я нашел крамольный номер журнала “Ленинград” с пародией Хазина — одной из послевоенных публикаций, вызвавших известное “постановление”, и немало других редкостей. Там же мной была обнаружена папка с третьей или четвертой машинописной копией этой неопубликованной книги.

Я не стал говорить об этом Тарле, поскольку был уверен, что он и сам знает об этой папке, но однажды к вечернему чаю была приглашена Маргарита Константиновна. Во время разговора она несколько раз возвращалась к вопросу о пропавшей рукописи, а Тарле, рассерженный ее настойчивостью, пытался объяснить, что ни одного экземпляра у него не осталось. По нескольким фразам из их разговора я понял, что речь идет как раз о найденной мной папке, и сказал об этом. Тарле велел мне немедленно принести и, убедившись, что это та самая работа, с облегчением отдал ее Маргарите Константиновне, сказав, что она может делать с ней все, что хочет, а сам он отказывается от какого бы то ни было участия в “проталкивании” этой книги.

Маргарита Константиновна ушла в явном недоумении, поскольку она еще не знала, до какой степени вновь обострились отношения Тарле с властью предрежащей, и что он с большим трудом смог пристроить в “Госполитиздат” свою “плановую” книгу о Северной войне на просто неприличных для академика и всемирно известного автора условиях...

После смерти Сталина, пока власть и влияние сохраняли люди, помнившие о заслугах Тарле перед страной, его произведения публиковались беспрепятственно. В этот краткий период Маргарита Константиновна Гринвальд успела подготовить к изданию книгу “Очерков колониальной политики”. Книга вышла в 1965 году небольшим тиражом.»

Книга Е. В. Тарле «Падение абсолютизма в Западной Европе. Исторические очерки» увидела свет в 1924 г. как второе, дополненное и исправленное издание опубликованной в 1906 г. Она отличалась от исходного труда наличием новой — четвертой главы «Революционные перевороты 1917–1918 гг.» Если издание 1906 г. было включено в IV том единственного советского собрания сочинений Е. В. Тарле, то второе так и осталось забытым. В представляемой современному читателю настоящей публикации, кроме включенной 4-й главы из издания 1924 г., исправлены написания имен исторических деятелей, переведены иноязычные выражения, сделаны деликатные примечания. Важно отметить, что в этой работе Е. В. Тарле выступает прежде всего в качестве историка-теоретика, или, пользуясь терминологией самого академика, социолога, а не историка-повествователя. Однако в сочетании с первой частью этого тома — с «Очерками колониальной политики», — в которой как всегда блистательно раскрылся литературно-повествовательный талант академика, теоретическая глубина второй работы — «Падение абсолютизма в Европе и России» — углубит представление современного читателя о вкладе Евгения Викторовича Тарле в отечественную историческую науку.

Очерки истории КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЗАПАДНО- ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

(КОНЕЦ XV —
НАЧАЛО XIX ВВ.)

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая работа рассчитана главным образом на тех, кто хотел бы ознакомиться с основными фактами истории колониальной политики западноевропейских держав в эпоху первоначального накопления, а также в начальный период Нового времени.

Интересующий нас отрезок времени начинается с поисков морского пути в Индию, с так называемой эпохи Великих географических открытий, т. е. с конца XV столетия, и продолжается до начала XIX столетия.

Внешними хронологическими вехами начала и конца этого периода можно (условно, как и всегда в подобных случаях хронологических «уточнений») принять год открытия Америки — 1492-й, и год подписания актов Венского конгресса, установивших надолго перераспределение колоний между европейскими державами, — 1815-й.

Краткий обзор развития и упадка торговли Восточного Средиземноморья дан только как введение к нашей теме для характеристики исторической обстановки, обусловившей поиски новых путей, а то, что называется в историографии «колониями» Венеции и Генуи в XIII–XV вв., выпадает из содержания этих очерков.

Точно так же выпадают, конечно, история и этнография тех народов Америки, Азии и Африки, которые подверглись хищническому нападению и планомерному ограблению со стороны европейского торгового капитала в указанный период. Я касаюсь этого вопроса лишь постольку, поскольку это необходимо для понимания колониальной политики европейских держав. История же и этнография этих народов, зависимых и полузависимых, угнетенных и долгие столетия ждавших (и еще ждущих) освобождения, вовсе не исчерпываются, конечно, теми фактами, которые относятся только к их борьбе с европейскими угнетателями.

Но это особая тема, для которой нужна и особая монографическая литература, как и для истории колониальной политики европейских держав. Такое направление исследований вполне

Владимир Ильич Ленин (Ульянов)
(1870–1924)

законно и обоснованно и поэтому может быть проводимо в научной литературе. Параллельно идущие исследования будут необычайно расширять кругозор в области исторической науки, которая в наши дни приобретает не отвлеченный, но жгучий, злободневный политический интерес.

Классики марксизма-ленинизма никогда не переставали живейшим образом интересоваться историей колоний и колониальной политики, и в своей библиографии я указываю на те их работы, в которых начинаю-

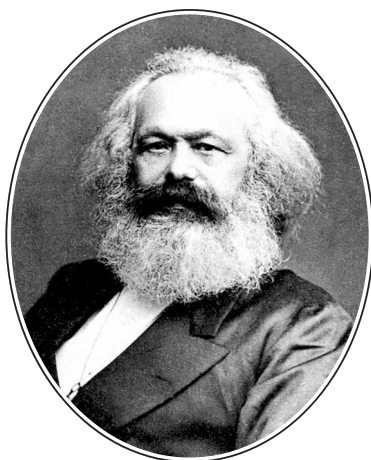
щий заниматься историей колониальной политики найдет нужную теоретическую опору и методологические установки.

Понятно, что они интересовались больше всего периодом владычества финансового капитала, эрой, как ее называл Ленин, «...обостренной борьбы за раздел и за передел мира» европейцами и американцами¹. Эпоха, которой посвящены эти мои очерки, привлекала к себе внимание классиков марксизма-ленинизма меньше, чем времена финансового капитализма, и меньше, чем времена капитализма промышленного. Но они и ее не оставляли, конечно, без анализа. В данном случае, разумеется, приступающий к изучению колониальной политики XVI–XVIII вв. прежде всего должен будет припомнить классическую 24-ю главу I тома «Капитала» Маркса, дающую так много для понимания той общей социально-экономической почвы, которая сделала и возможной и неизбежной европейскую колониальную политику XVI и следующих веков.

И очень бы хотелось, чтобы начинающие историки, припомнив и перечтя эту главу «Капитала», сказали себе, что чтить память Маркса должно в данном случае путем самостоятельного исследования того фактического материала, того сплошного реального комментария к 24-й главе «Капитала» Маркса, которым является по существу старая колониальная история европейских держав.

Наша работа имеет своей целью показать историю ранних этапов колониальной экспансии, наметить главные вехи, которые помогли бы начинающему историку установить план своих более специальных исследований и изысканий в области колониальной истории в эпоху от конца XV до начала XIX в., до той эпохи, когда промышленный капитал стал превращаться в основную экономическую силу мировой истории.

В библиографии я даю только некоторые из тех источников и той научной литературы, которые могут быть полезными при начале научной работы над историей колониальной политики европейских держав.

Карл Генрих Маркс
(1818–1883)

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ

*Целевая установка. Возникновение колониальной политики.
Переход к товарному производству. Возвышение Венеции и всего
Восточного Средиземноморья. Наступление турок-османов.
Экономические причины крестовых походов. Их результаты.
Поиски морского пути в Индию. Экспедиции вдоль Западно-Африканского
побережья. Колумб и открытие Нового Света. Открытие морского пути
в Индию в оценках современников и позднейших авторов. Тордесильяский
договор. Путешествие Магеллана и его значение.*

Охватить всеобщую историю за несколько веков можно, конечно, только придерживаясь строго определенных рамок. Включив в историю колониальной политики европейских стран описание того, как сами жители слаборазвитых стран, подавленные эксплуатацией, переживали вторжение чужеземцев, мы как бы поставили перед собой непосильную задачу. О целых столетиях борьбы, которая велась против европейских захватчиков, мы знаем лишь от них самих или от представителей их идеологии, иначе говоря, мы до сих пор находим в летописях и литературе отражение этой борьбы как бы в кривом зеркале: эксплуататор, который появлялся из-за океана с целью грабежа, сам же и описывал, как реагировали на его грабежи те, кого он грабил. В таком состоянии находится история не только миллионов американских индейцев и африканских народов, но также и таких народов, как индийцы, подчиненных в течение двух столетий власти европейского капитала. Со времени мировой войны 1914–1918 гг. под влиянием возросшего индийского национально-освободительного движения ряд индийских историков предпринял первые попытки самим выявить и самостоятельно истолковать прошлое своей страны. Но зачастую и сейчас еще для характеристики истории национальных движений и восстаний против португальцев, французов и англичан в XVI и XVII вв. им приходится прибегать к явно пристрастным и искаженным португальским, французским и английским источникам, потому что по большинству вопросов индийских источников не имеется вовсе. Найти и использовать то, что еще лежит нетронутым на полках национальных библиотек, — дело будущих историков, археологов и лингвистов, возвращенных освободившимися народами.

Хронологически намеченный нами план составлен с учетом того, что если о колониальной истории XIX и XX вв. в нашей до-

Паломники у стен Рима в 1300 году.
Миниатюра из «Хроники Серкамби». XIV в.

революционной и особенно послереволюционной литературе, а также и за рубежом кое-что писалось, то анализ колониальной политики предшествующих веков, и в первую очередь направляющих ее экономических факторов, чрезвычайно мало разработан.

Обстоятельное изложение своей темы я поведу с XV столетия, с начала так называемых Великих географических открытий, с рассмотрения того, какие требования были тогда поставлены социально-экономическими условиями того времени и какими путями европейские государства добивались их реализации.

Считая вместе с тем необходимым объяснить, почему эти требования вытекали из настоятельной потребности данного исторического момента, я даю краткий обзор причин, обусловивших ее.

Еще с середины XI в. европейские летописцы-монахи (единственное тогда грамотное сословие) отмечают, некоторые с тревогой, другие с недоумением, что все проезжие дороги, в особенности во Франции, Германии, Северной Италии и Англии, сплошь и рядом небезопасны: по ним непрерывно движутся массы сомнительных бродяг. Из них кто занимается открытым грабежом, кто живет на подачки, кто навязывается на работу за кусок хлеба. Иногда идут кучками, иногда собираются толпами в несколько сот человек, окружают монастыри, кричат с угрозами, что богоугодные заведения обязаны кормить их, голодных. Летописцы

Нищие, просящие милостыню
у магистрата.

Гравюра Э. Карпе. 1896 г.

понимают, что эти люди, видно, оказались лишними у себя, что их выбросила на улицу нужда. Но обобщить причину этого явления они неспособны.

Речь шла о начале отделения ремесла от сельского хозяйства и первых шагах товарного производства, о постепенном отмирании натурального хозяйства, при котором производительные силы развивались крайне медленно.

Конец периода Раннего Средневековья с его натуральным хозяйством и был временем острых социально-экономических противоречий. Земельные

разделы, связанные с ростом населения, систематические неурожаи и голодовки, непосильные повинности и поборы выталкивали из деревни все больше и больше крестьян. И в городах, только еще зарождавшихся, большинство их, естественно, не находило себе места. Городское производство в средневековом городе было рассчитано на ограниченный внутренний рынок; к тому же власть натурального хозяйства оставалась настолько живучей, что спрос на рабочие руки был несравненно меньше предложения, а юридические рогатки, препятствующие вступлению в ремесленные цехи, которые всегда ломаются при решительном напоре экономических сил, тогда оказывались непреодолимыми. Не было никакой организации, ничего, что могло бы собрать выброшенных из своей колеи крестьян и дать им определенное направление. Бродяжничество развивалось неизбежно и стихийно. Скопление бродяг являлось грозным показателем недовольства, ропота и отчаяния.

Подобные настроения, а в связи с ними поиски новых земель распространялись, помимо крестьянства, также и среди определенной части дворянства. Принцип майората, согласно которому поместья передавались по наследству от отца старшему сыну, оставлял всех младших дворянских сыновей обездоленными. Ос-

новным средством производства и тогда и в ближайший последующие века оставалась земля; движимый капитал играл в сравнении с ней лишь второстепенную роль.

Между тем и купечество находилось в затруднительном положении. В некоторых государствах Европы именно самые богатые купцы были издавна заинтересованы торговлей не только внутренней, но и внешней — вывозом из Индии, как тогда было принято называть почти всю Юго-Восточную Азию, редких и дорогих восточных товаров. Хотя эта торговля пребывала в зародышевом состоянии и предназначалась для обслуживания узкого круга состоятельной клиентуры, она обогащала североитальянские, южнофранцузские и восточноиспанские порты, да в той или иной мере все города Средиземноморского побережья. Правда, транспортная торговля и перекупка их при переходе из рук в руки сильно сказывались на продажных ценах, но все расходы ложились на покупателей, а коммерсанты окупали их с лихвой.

Так складывались обстоятельства, когда как раз к концу XII столетия от купцов, возвращавшихся с Востока, и от паломников, побывавших в Иерусалиме, стали поступать слухи об идущем оттуда неизвестном племени сельджуков. Рассказывали, что они покорили арабов, до тех пор владевших и Малой Азией, и Сирией, и Палестиной, и Северной Африкой, и что нынешние их правители относятся враждебно к купцам из Европы, убивают их или взыскивают с них за право торговли такие чудовищные подати, которые выдерживать невозможно. Жалобы на сельджуков падали на благодарную почву. Слушая их, обнищавшее крестьянство мечтало в борьбе с насильниками отвоевать себе землю.

Тогда в Европе началось бурное движение, которое вошло в историю под названием крестовых походов. Оно возникло под лозунгом «освобождения от неверных “Гроба Господня”, “Святой Земли”». Лозунг был брошен папством. Эта мощная организация, пустившая глубокие корни в социальные прослойки и общественные течения Средневековья, учла, что феодальный строй привел большую часть населения европейских государств в тупик, наметила из него выход и к тому же использовала этот выход для прославления католицизма.

Историография духовно-феодалная, а потом несколько отличная от нее дворянско-духовная объясняла неукротимое огромное

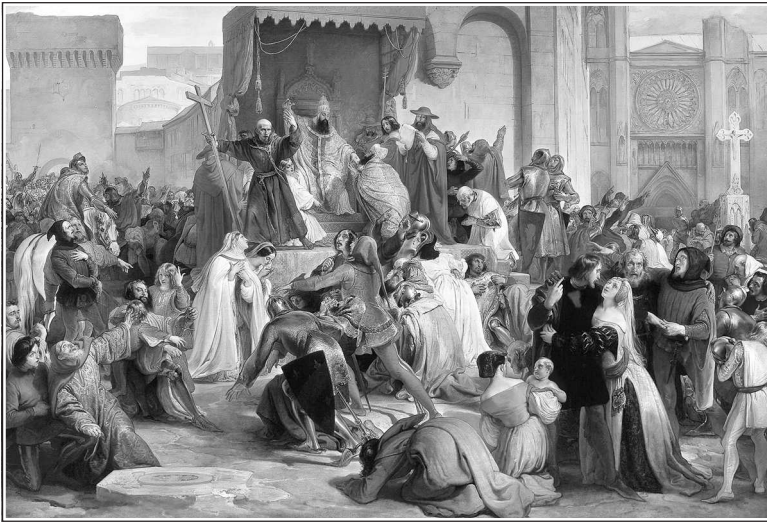

Французский историк
Жозеф Франсуа Мишо
(1767–1839)

воодушевление крестоносцев бурным религиозным порывом. В XVIII в. легенды, связанные с крестовыми походами, кристаллизовались романтиком историком Мишо¹. Позднейшие буржуазные историки пошли по проторенной дорожке, повторяя те же сказки, что и Мишо, хотя и в несколько ином освещении. Только во второй половине XIX в., под влиянием марксизма, стало пересматриваться это совершенно ненаучное воззрение. Оно дает наглядную иллюстрацию смещения содержания и формы при анализе исторических

событий. В действительности в основе движения крестоносцев лежали чисто материальные интересы европейских феодалов, рыцарства, жаждавших каких угодно приключений, готовых идти навстречу любым опасностям, лишь бы добыть земли и новые титулы. Значительную роль сыграли купцы, готовые на риск, чтобы возродить выгодную торговлю с Востоком. Организации крестовых походов способствовало и наличие упорных, фанатичных служителей католической церкви при соответствующей пропаганде папства. Крестьянство жаждало найти на Востоке землю и более терпимую жизнь.

Первая волна наступления на «неверных» особенно подчеркивает ее стихийность, полное отсутствие определенного плана и четкой цели: неграмотный монах-проповедник Петр Амьенский, или Пустынник (род. ок. 1050 г.), по-видимому, одаренный талантом психического воздействия на окружающих, увлек за собой, по словам современных хроник, не меньше 100 тыс. крестьян; среди массы этой бедноты упоминаются немцы, французы, англичане, испанцы, итальянцы. Они не имели ясного понятия ни о том, где находится «Святая Земля», ни о том, как до нее добраться. Известно, что они прошли через Венгрию, северную часть Балканского полуострова, добрались до Малой Азии. Шли безоружные,

Папа римский Урбан II в Клермоне призывает к Первому крестовому походу.
Художник Ф. Айец, 1835 г.

без карт, без провианта, захватив только то, что было под руками. Это были бездомные крестьяне, которым у себя нечего было терять, все равно их и там ждала голодная смерть. Они мечтали об избавлении от феодального гнета и о земле. Летописцы говорят, что на пути их нередко встречали кольями венгры, болгары или турки и поголовно истребляли; только жалкие остатки крестьян вернулись на родину ни с чем.

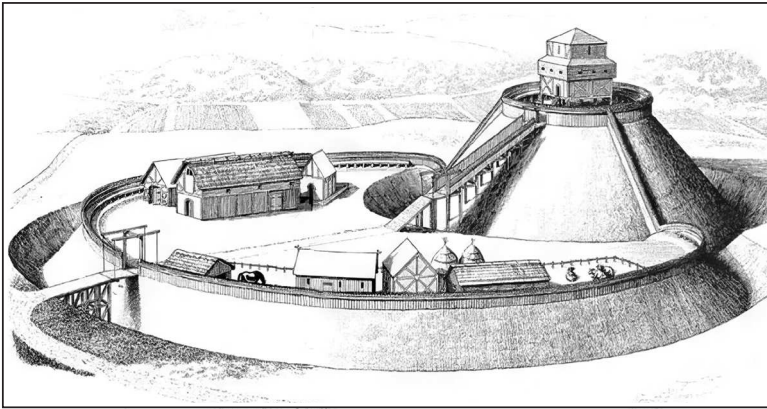
В 1095 г. к сбору «святого воинства» в торжественной обстановке Клермонского собора призвал сам папа Урбан II, глава первенствующей в Западной Европе католической церкви. На этот раз пошли на Восток под началом феодальной знати вооруженное рыцарство, облеченное доспехами и сидящее на конях, и их приближенные, связанные со своими господами сложными взаимоотношениями средневекового ленного права. Вдохновляла всю армию та же цель, что и последователей Петра Амьенского, — отвоевание и закрепление за собой земли. Но как организация похода, так и методы достижения цели были более четкими; они привели к победам, в которых ярко выразился сословный характер армии. В Малой Азии были созданы порядки, сходные с порядками феодальной Европы. Захваченные земли разделялись на участки,

на которых крестоносцы селились в качестве помещиков. Но положение новоселов оказалось неустойчивым. Сельджуки упорно продолжали свои набеги. Надолго осесть на Востоке крестоносцам не удалось. Не прошло и нескольких десятилетий, как они были вынуждены отступить. Последующие семь походов, несмотря на временные удачи, кончались для крестоносцев поражениями. В 1291 г. войска египетского султана захватили последнюю оставшуюся в руках крестоносцев сирийскую крепость Акру (Сан Жак-д'Акр, по терминологии европейских хроник). Из Иерусалима крестоносцы были изгнаны, а феодальные их имения отняты еще задолго до того.

Характеризуя результаты двухсотлетней борьбы Запада и Востока, историки идеалистической школы утверждали, что она оказала необычайно революционизирующее влияние на европейские умы. В этом они были правы. Их ошибка — в толковании этого влияния. Интересы и запросы европейцев, характеризующие начиная с XIV в. эпоху Возрождения, эти историки объясняли провалом замыслов папского престола, разочарованием в его могуществе, тягой к новым порядкам — все эти факторы в самом деле были налицо, но как факторы сопутствующие, а не основные. Расцвет новых сил, обострение зоркости, внимания, пылливости проявились в результате наблюдений, навыков, опыта и потребностей иного порядка.

В Европе за два века крестовых походов натурально-хозяйственный строй все больше подтачивался и разрушался. Он по-прежнему неспособен был прокормить крестьян и по-прежнему вытеснял людей из деревни. Но городская жизнь развивалась, среди ремесленников, купцов, поселившихся в городах крестьян тем временем происходили глубокие изменения. Города росли вместе с населением, расширялся внутренний рынок, процесс судорожных поисков земли как трофеев дальних походов несколько спадал.

Знакомство с сельджуками, арабами, византийцами, постоянное общение с ними за все время почти непрерывных войн заставляли призадуматься и открывали возможность мирных перспектив. Воины-крестоносцы не могли не учесть, что в техническом отношении сельджуки превосходили европейцев. Полчища их были более дисциплинированы и дееспособны. К тому же по прекращении войн они оказались достаточно гибкими, чтобы

Западноевропейский замок XI–XII веков —
тип *Motte-and-bailey* («Холм и двор»).
Реконструкция

оценить по достоинству выгоды, которые они могли сами извлекать из торговли. Продолжая властвовать над всеми завоеванными территориями в Малой Азии, в Аравии, в Персии, они согласились на возобновление европейской торговли с Востоком и на расширение ее. Для европейского торгового капитала открылся небывалый простор. Теперь уже не только крупный делец, но и средний купец, включившийся в торговлю с Востоком, обеспечивал себя за 10–15 лет на всю жизнь. Спрос на ввоз восточных товаров вырос во много раз. Он исходил уже не от узкого аристократического круга. Не только по юридическому положению, но и в бытовом смысле феодалы и те, кто около феодалов кормился, купцы и те, кто кормился около купцов, стали именно тогда резко отделяться от вилланов, от низов крепостной деревни.

До крестовых походов быт феодалов очень мало разнился от эксплуатируемых ими слоев. Феодалские замки того времени отнюдь не были похожими на великолепные замки в два и три этажа, которые сохранились от XV и XVI вв. Старые феодалские замки IX и X вв., представляющие собой сейчас уникальные реликвии, уместились бы каждый примерно в одном университетском зале; такой замок был поделен на клетушки, в которых члены семьи феодала спали вповалку на скамьях, покрытых грубыми холстами или грубыми шерстяными тканями; о мягкой мебели, о креслах, диванах, коврах в Европе не имели понятия. Да и жили так только

могущественные именитые феодалы, а феодалы попроще, помещики средней руки жили в домишках в 3–4 комнаты, немазаных, нештукатуренных, с перегородками, не доходившими до потолка, или попросту в курных избах. Когда крестоносцы по пути в Сирию и Палестину стояли в Константинополе и впервые сталкивались с греческим бытом, то, например, зрелище людей, которые едят при помощи ножей и вилок, явилось для них поражающим открытием. Греческие летописцы издевались над тем, что когда за обедом у императора к столу подносили жаркое, весь крестоносный генералитет, герцоги, графы, люди, слывшие у себя на родине подлинными аристократами, отрывали лакомые куски и клали их в рот руками, а вилки и ножи оставляли, чтобы их не запахнуть, да по существу и не зная, что с ними делать.

Крестоносцы, как отмечали историки, «привезли восточную роскошь». Будничное питание европейских имущих классов благодаря ввозу перца и многих других пряностей и снадобий стало более разнообразным, одежды стали пестрее и красивее от применения индийских красящих веществ. Больше того, из Индии стали поступать шелковые, хлопчатобумажные ткани и материи, сотканые из шерсти с шелком, — мягкие, изящные, превосходно выкрашенные ткани, а также ряд драгоценных изделий, украшений из золота, серебра, черного дерева и т. д.

Эти факты служат опровержением ошибочного мнения, будто Индия служила поставщиком главным образом сырья. В рассматриваемую эпоху и много позже она была также промышленной державой в гораздо большей степени, чем некоторые страны Европы. Еще в XVIII в. английские купцы умоляли парламент запретить ввоз индийских тканей из-за невозможности конкурировать с ними. По словам Маркса, изучавшего индийскую экономику, она определялась производством деревенской общины, одного из древнейших социальных учреждений, сведения о котором передаются с незапамятных времен, сохранившегося прочным и незыблемым до XIX в.²

Община служила отличной почвой для эксплуатации крестьян под властью сначала своих исконных правителей, а затем пришлых. Товары вырабатывались в общинах Индостанского полуострова повсеместно, даже в тех частях его, которые лишь сравнительно недавно были «открыты» благодаря успехам воздухоплавания.